ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ:
события, оценки, прогнозы

Выпуск 47(63)
2017

СОДЕРЖАНИЕ

ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: КРИЗИС ИЛИ НОВЫЙ ЭТАП?
Татьяна Пархалина

КАТАЛОНИЯ: ВЫБОРЫ СОСТОЯЛИСЬ, ПРОБЛЕМЫ НЕ РЕШЕНЫ
Петр Яковлев

ГЕРМАНИЯ В ПОИСКЕ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
Татьяна Арзаманова

ФЕНОМЕН ТРАМПА КАК ОТРАЖЕНИЕ КРИЗИСНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ВНУТРИ США
Дмитрий Кочегуров

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (ИНИОН РАН)

ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: КРИЗИС ИЛИ НОВЫЙ ЭТАП?

Татьяна Пархалина,
зам. директора ИНИОН РАН,
Президент Ассоциации Евро-атлантического сотрудничества

Ключевые слова: США; Европа; трансатлантические отношения; безопасность; Североатлантический альянс.

История существования Североатлантического альянса изобилует периодами, которые аналитики обозначали как кризисы. При этом на Западе ряд экспертов справедливо считали кризисы имманентно присущими развитию отношений между США и тогда еще Западной Европой, а противоречия, которые рано или поздно разрешались, – двигателем, обеспечивающим движение вперед.

В период холодной войны и биполярной конфронтации «клеем» трансатлантических отношений, безусловно, было противостояние главному противнику, – т.е. Советскому Союзу и всему советскому блоку. В 90-е годы прошлого века трансатлантические противоречия притупились, поскольку общей целью союзников по обе стороны Атлантики стала интеграция в Евро-Атлантическое пространство бывших советских сателлитов.

Однако уже в начале XXI в., а точнее, в 2003 г. в связи с американским вмешательством в Ирак Пол Кеннеди в своей знаменитой статье написал, что трансатлантические отношения переживают период небывалого охлаждения[1]. Стало очевидным, что США и Европа по-разному смотрят на военно-политическую стратегию, на критерии применения военной силы в условиях обладания превосходящей военной мощью. Усиливались экономические трения, все возрастающую роль начал играть демографический фактор. Стареющие нации Европы вынуждены были тратить все больше денег не на военные нужды, а на пенсии, социальные и медицинские расходы.

Но в мире стали появляться новые угрозы безопасности, носящие трансграничный и транснациональный характер, которые неизбежно привели к появлению нового «клея», сцементировавшего трансатлантические отношения. П. Кеннеди определил еще один фактор, обусловивший центростремительные тенденции в этих отношениях: функционирование транснациональных корпораций, таких, как IBM, BP, Ford и др., которые не потерпят раскола в трансатлантическом сотрудничестве.

Вместе с тем усложнение международной обстановки с середины 2000-х годов выявило то, что по разные стороны Атлантики по-разному видят решение все более многослойных и многофакторных проблем современного мира. В США обозначилась тенденция на ведение войн, Европа проявила себя в миротворчестве и государственном строительстве на территориях стран, переживших конфликт. Было бы упрощением считать это своеобразным разделением труда в процессе, так сказать, «новой колонизации». Уместнее говорить о разной внешнеполитической философии и разном отношении к международным институтам, о различиях в вопросе соотношения силы и права, свободы односторонних действий и ограничений международных норм.

Трансатлантические противоречия в начале первого десятилетия XX в. порождались среди прочего и различиями между американской и европейской стратегическими культурами. К концу XX в. в Европе обозначилось тяготение к поиску политических соглашений в целях разрешения конфликтов; в европейском стратегическом мышлении укоренилось представление, что наиболее эффективным средством обеспечения безопасности является утверждение правовых норм и становление международных институтов, способных обеспечить их выполнение. Значительная часть европейских элит склонялась к тому, что военная сила не может устранить угрозы, связанные с ростом экстремизма в исламском мире – эти угрозы исходят из социального неравенства и бедности, поэтому акцент следует делать на оказании помощи.

Ливийская операция, инициированная тогдашним французским президентом Н. Саркози, а не американским руководством (как принято считать в России), продемонстрировала, что различные философские умозаключения в сфере внешней политики могут быть отброшены в угоду внутриполитической конъюнктуре (расчеты на то, что маленькая победоносная война сможет обеспечить победу на следующих президентских выборах, не оправдалась). Ограниченная операция НАТО в Ливии, начатая по просьбе ЛАГ (Лиги арабских государств) и поддержанная СБ ООН, привела к свержению режима М. Каддафи и разрушению государства как такового. В дальнейшем дестабилизация всего Ближнего Востока в результате негативных социально-экономических и демографических тенденций явилась холодным душем для трансатлантических союзников, которые в начале так называемой «арабской весны» просто не знали, что со всем этим делать, именно поэтому два евро-атлантических института высказали свою позицию, но не стали определять политику в отношении региона.

Начало кризиса в Сирии было отмечено тем, что даже ближайший и самый верный союзник США – Великобритания – высказалась против участия в военной операции по свержению режима Б. Асада. Впоследствии европейские союзники приняли участие в антитеррористической коалиции, возглавляемой США, направленной на борьбу против ИГИЛ, однако все менее настойчиво стали поддерживать идею смены режима в этой стране, на которой настаивал Вашингтон.

Сцепляющим моментом в трансатлантических отношениях явился кризис в / и вокруг Украины, и главное – позиция и политика России. Россия и Евро-Атлантика по-

[1] Кеннеди П. Трансатлантические отношения: три сценария // Россия в глобальной политике. М., 2004. № 1.

разному оценивают причины кризиса: Россия считает, что именно Запад нарушил договоренности, данные бывшему тогда президентом Украины В. Януковичу; трансатлантические союзники полагают, что Россия «взломала» систему безопасности в Европе, когда провела операцию по присоединению Крыма к своей территории, нарушив существующие границы и гарантии по Будапештскому меморандуму. 1 апреля 2014 г. НАТО при полном согласии всех союзников вновь заморозила отношения с РФ, а решения Уэльского саммита Альянса (сентябрь 2014 г.) свидетельствовали о том, что НАТО от отражения новых угроз вернулась к истокам – к обеспечению коллективной обороны. В декларации по итогам саммита отмечалось, что план действий по готовности НАТО (NATO Readiness Action Plan) отвечал «на изменения среды безопасности на границах Альянса» и на «вызовы, порожденные Россией и их стратегические последствия»[1]. Российский эксперт Д. Данилов писал, что «план включал два основных элемента – обеспечение гарантий безопасности НАТО и стратегическую адаптацию военной машины Альянса»[2], которые предполагали постоянное присутствие триады вооруженных сил и существенную военную активность НАТО в восточной зоне на ротационной основе.

Варшавский саммит Альянса 2016 г. продемонстрировал готовность трансатлантических союзников пойти на символическое укрепление (в виде четырех батальонов) оборонных структур на восточном направлении, но неготовность пожертвовать Основополагающим актом Россия – НАТО 1997 г., на чем настаивал ряд стран Центральной и Восточной Европы (речь шла о том положении ОА, где говорилось об отказе НАТО от постоянного размещения существенных боевых сил в новых районах базирования)[3].

Вместе с тем приходится констатировать, что действия России в Украине привели к укреплению атлантической солидарности, к тому, что союзники выступили совместно по вопросу об отражении так называемой «новой российской угрозы». Однако по вопросу о санкциях позиции ряда центрально- и восточноевропейских стран – участниц НАТО отличаются от позиции Вашингтона, Лондона, Парижа и Берлина. Ради объективности, правда, надо отметить, что в момент голосования по вопросу продления санкций все члены Евросоюза голосуют солидарно.

Однако экономическое измерение безопасности каждый раз как бы размывает центростремительные тенденции в рамках атлантической солидарности.

Новый этап трансатлантических отношений начался в связи с результатами президентских выборов в США в ноябре 2016 г. В ходе своей предвыборной кампании и сразу после избрания нынешний президент США Д. Трамп не раз заявлял, что НАТО – это устаревший союз, который не отвечает требованиям времени. Одна из основных его претензий к европейским союзникам сводилась к тому, что они явно недоплачивают в деле обеспечения своей обороны и должны в срочном порядке увеличить расходы на оборону до 2% своего ВВП. Что касается экономического измерения трансатлантических отношений, то Трамп высказал намерение приостановить переговоры по трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству (ТТИП). Однако вскоре после встреч с двумя европейскими лидерами – премьер-министром Великобритании Т. Мэй и канцлером ФРГ А. Меркель, а также вследствие давления, оказанного на него американским военно-политическим истеблишментом, Д. Трамп изменил свое мнение на прямо противоположное и стал утверждать, что НАТО – это ключевой Альянс, обеспечивающий безопасность Запада. Впоследствии, на встрече на высшем уровне НАТО в Брюсселе, которая была приурочена к открытию нового здания Альянса и на заседании Большой семерки в Италии (в Таорминне), американский президент вновь в жесткой форме потребовал увеличения военных расходов союзников и вообще вел себя таким образом, что канцлер ФРГ А. Меркель заявила о том, что Европа вынуждена брать на себя большую ответственность как за свою безопасность, так и за международную повестку[4].

Главная проблема трансатлантических отношений сегодня состоит в том, что *непредсказуемость* исходит из центра коллективного Запада – из Вашингтона, который до сих пор не определился с тем, какую политику выстраивать в отношении своих европейских союзников. Помимо этого, позиция американской администрации по ряду иных вопросов, касающихся международной безопасности, входит в противоречие с позицией Брюсселя – это и выход из соглашений по климату и заявления об изменении американской позиции по иранскому ядерному досье, когда в одностороннем порядке Вашингтон готов нарушить международные договоренности, которые Брюссель считает принципиально важными.

Вновь на нынешнем этапе особую роль в дальнейшем развитии трансатлантических отношений начинает играть Франция. Избранный в мае 2017 г. президентом страны Э. Макрон во внешней политике сразу же взял курс на увеличение удельного веса своей страны в Европе и мире. Во-первых, был озвучен французский сценарий о создании европейского военного союза, который в случае его реализации сразу же выводил бы Францию на ведущую роль в Евросоюзе. Следует, однако, обратить внимание на то, что реализация этого сценария возможна при следующих условиях: 1) в случае роста расхождений между США и Европой в восприятии угроз безопасности; 2) в случае создания европейскими государствами эффективных институтов в области безопасности и обороны; 3) в случае готовности европейских государств существенно увеличить расходы на оборону (и в рамках НАТО, и в рамках ЕС), с тем чтобы создать современные вооруженные силы, оснащенные высокотехнологичным вооружением, системами связи, разведки, управления войсками.

Выступая в Сорбонне 26 сентября 2017 г., Э. Макрон озвучил и свои предложения по реформе ЕС до 2024 г. Главный тезис этого выступления следующий: Европа не едина, разобщена, отсутствует солидарность и наблюдается разновекторность[5]. Она должна преодолеть все эти негативные явления для того, чтобы сохранить высокий уровень жизни и демократии внутри ЕС. Макрон предсказал в ближайшие годы отделение Европы от США. Под предлогом формирования более эффективного союза Макрон предложил создание Европы «двух скоростей»,

[1] Wales Summit Declaration.

[2] Европейская безопасность: События, оценки, прогнозы». М.: ИНИОН, 2014 г. № 34.

[3] Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между РФ и НАТО, 27 мая 1997 г.

[4] Меркель А. На встрече с фракцией ХДС в Мюнхене. an.ingo/новости/после/саммита-д7

[5] Э. Макрон http://www.elysee. N 2. (declarations) article / initiative – poer-l-europe – discavers-a-emmanuel-macron-pour-une-eutope-souveraine-unie-democratique)

где страны Вышеградской четверки и другие государства, не входящие в сердцевину ЕС, теряют многие интеграционные возможности. Параметры реформы французский президент определил следующим образом. В области экономики это: необходимость укрепления еврозоны, формирование общего бюджета, финансирование общих инвестиций и обеспечение стабильности во времена экономических потрясений; Макрон предложил создать пост министра финансов ЕС, изменить правила налогообложения, установить налог на финансовые операции, создать «специальную группу европейского переустройства». В области безопасности: к 2020 г. создать совместные вооруженные силы для военных операций, единый европейский оборонный бюджет и единую военную доктрину. Он также предложил создать европейские подразделения гражданской обороны, общеевропейское агентство по предоставлению убежища и совместную пограничную службу, европейскую академию разведки. В области социальной политики – скорректировать социальное законодательство стран ЕС, развивать интеграцию образовательных процессов. Для финансирования всех этих инициатив Макрон предложил ввести общеевропейские налоги, в том числе экологический – на выбросы углекислого газа в атмосферу, налог на цифровых гигантов (Apple, Google и т.д.).

Предложения Макрона сразу же были поддержаны Германией и другими странами ЕС. Однако вероятность их реализации оказалась в серьезной зависимости от разрешения политического кризиса в ФРГ, поскольку двигателем углубления интеграционных процессов могут быть Париж и Берлин, в случае если они действуют совместно. При этом не следует думать, что даже в случае быстрого преодоления политического кризиса Германия полностью поддержит инициативы Макрона, считая их слишком амбициозными.

Ведь если бы Макрону удалось политически «обыграть» Меркель и заставить Германию «играть» в единую Европу по французским правилам, то первая партия во франко-германском тандеме принадлежала бы уже Франции (после ряда лет немецкого первенства).

Какие последствия все это будет иметь для трансатлантических отношений, с учетом того, что за «прекрасную Марианну» сейчас борются и Вашингтон, и Берлин? Нельзя исключить, что в рамках ЕС произойдет своеобразная перезагрузка с обретением большей самостоятельности в рамках трансатлантических отношений. В случае обретения большего единства удастся повысить уровень безопасности в рамках ЕС, а Европа может превратиться из потребителя в производителя стабильности.

Можно предположить, что именно на это была направлена европейская инициатив PESCO (Permanent Structured Cooperation) – так называемое «постоянное структурированное сотрудничество» в области обороны. Документы были подписаны в Брюсселе в начале ноября 2017 г. По словам верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини, предлагаемая программа направлена на повышение эффективности обороны сообщества, военной мобильности его членов и сотрудничества с НАТО. PESCO предполагает снятие пограничных формальностей и масштабное строительство в ЕС транспортной инфраструктуры для переброски тяжелой военной техники. В ряде европейских стран считают, что именно позиция Трампа, настораживающая его союзников в Европе, вызвала к жизни эту инициативу ЕС, которая была одобрена на саммите Евросоюза в декабре 2016 г. Для подготовки плана были созданы оперативные группы в Берлине, Париже, Брюсселе, которые работали над расширением зоны ответственности ЕС в сфере безопасности и обороны.

При обсуждении плана французский подход состоял в допущении разных скоростей при реализации общего проекта, что было бы новым элементом, однако, по всей видимости, верх одержал Берлин, который выступал против каких-либо послаблений. В результате каждая страна ЕС должна принять участие в одном из 17 проектов (в большинстве своем военных). Предусматривается ежегодное увеличение оборонных расходов, решение вопросов, связанных с направлением солдат на участие в зарубежных операциях. Это позволило ряду немецких политиков и экспертов прийти к выводу, что в политике безопасности ЕС еще никогда не достигал такого уровня «общности и интеграции» (членами PESCO стали 25 из 28 стран ЕС). Но существует и прямо противоположная точка зрения на эту программу: обязательства в рамках PESCO размыты и даже не предусматривают координацию военных планов.

Судьба углубления европейской интеграции в области безопасности и обороны будет зависеть от трех факторов: от позиции Германии после преодоления политического кризиса; от способности договариваться лидеров Франции и ФРГ, ибо в условиях выхода Великобритании только эти две европейские страны будут решать, осуществима ли идея создания так называемой «европейской армии» (разговоры о создании которой ведутся с 50-х годов прошлого века); от позиции американского президента, который явно демонстрирует, по меньшей мере, отсутствие интереса к европейским союзникам и НАТО.

Имеет смысл задаться вопросом, какие последствия для России будут иметь новые тенденции в трансатлантических отношениях? Следует иметь в виду следующие моменты. С середины 2000-х годов наблюдалось нарастающее геополитическое соперничество между Россией и странами Евро-Атлантики на постсоветском пространстве. Украинский кризис стал центробежным фактором в отношениях РФ – США – ЕС. У западных союзников нет четкого видения, какую политику в отношении России следует проводить; пока лишь существует позиция: Москва должна выполнять Минские соглашения и тогда санкции будут сняты (притом что Москва не считает себя стороной этих соглашений). Ни Брюссель, ни Вашингтон, ни Москва не хотят открытого столкновения, при этом Москва хочет компромисса, который состоял бы в признании Крыма и в предоставлении конституционных полномочий ЛНР-ДНР. Представители российского истеблишмента полагают, что они одержали победу, поскольку приостановили расширение западных институтов. Запад считает эту политику тупиковой и более не рассматривает Россию в качестве партнера, но скорее в качестве «стратегической проблемы».

И Россия, и трансатлантические союзники избавились от иллюзий, связанных с надеждой интеграции России в Евро-Атлантику, с надеждой на то, что Россия может стать частью коллективного Запада с точки зрения институционально-нормативной базы. Рассеялись и иллюзии у части политической элиты России, связанные с избранием Д. Трампа на пост президента США и возможностью достижения какой бы то ни было сделки между Москвой и Вашингтоном об установлении новых правил игры, которые могут прийти на смену принципам Хельсинкского Заключительного акта и Парижской хартии.

Предметом различных подходов и трактовки являются механизмы поддержания балансов: трансатлантические союзники исходят из определенных норм и стандартов поведения государств и восприятия России как одного из акторов, который должен им следовать; Россия – из фактора достижения равного с ключевыми западными игроками статуса. Именно поэтому Россия взяла курс на укрепление и использование в третьих регионах военной силы, полагая, что это поможет ей переломить тенденцию выпадения из ядра экономического развития.

Несмотря на драматизм развития российско-западных отношений обе стороны пока еще констатируют наличие общих интересов: нераспространение ОМУ, нераспространение гонки вооружений на открытый космос, контроль за новыми неядерными видами вооружений, создание мер доверия и транспарентности в разных видах военной деятельности, вопросы, связанные с созданием разных систем противоракетной обороны; энергобезопасность, изменение климата, разрешение международных конфликтов.

Яблоком раздора продолжает оставаться Украина. Обе стороны – Россия и Запад – считают, что мяч на стороне другого. Пока развязка не просматривается, поскольку обе стороны по-разному трактуют Минские соглашения. Впереди годы противостояния и избирательное сотрудничество по перечисленным выше вопросам. Часть политического класса России солидаризируется с теми силами в Европе, которые работают на дезинтеграцию и считают европейский интеграционный проект провалившимся, а трансатлантические отношения обреченными на развитие центробежных тенденций. Было бы упрощением и большой ошибкой недооценивать, что эти отношения базируются на такой ценностной основе, как политическая конкуренция, верховенство закона, согласование интересов, которыми союзники не хотят поступаться даже в периоды кризисного развития. Думается, что нынешний этап трансатлантических отношений, который приведет к переосмыслению ролей как Европы, так и США в этом тандеме, закончится более углубленной интеграцией в военно-политической сфере в рамках ЕС и приведет к более тесному сотрудничеству между двумя евро-атлантическими институтами – НАТО и Евросоюзом.

Да, действительно, былая атлантическая солидарность при президенте Д. Трампе, видимо, будет меняться на более противоречивый курс, поскольку Трамп, в отличие от своих предшественников, не заинтересован в укреплении Евросоюза. Более того, он хотел бы дестабилизировать ЕС, радикально ограничить свободный товарообмен между США и Евросоюзом. Он также не очень верит в НАТО, и в этом смысле восточноевропейцы оказываются в двусмысленном положении.

В этой сложной конфигурации России, безусловно, имеет смысл делать ставки на восстановление более-менее нормальных отношений с Европой, поскольку именно Европа заинтересована в выходе из тупика, в котором оказались российско-западные отношения. «Первая ласточка» обозначилась в этом отношении в ходе саммита Восточного партнерства в конце ноября 2017 г., когда ЕС не стал чинить препятствий для подписания соглашений об ассоциации для ряда стран Восточного партнерства, являющихся членами ЕАЭС (прежде всего Армении). Да и Россия предложила не выдвигать каких-то особых требований. Таким образом, наблюдается разительная разница по сравнению с ситуацией вокруг Украины. Нельзя исключать, что страны – участницы Восточного партнерства и ЕАЭС в будущем смогут сыграть позитивную роль в развитии отношений между Россией и Евросоюзом.

КАТАЛОНИЯ: ВЫБОРЫ СОСТОЯЛИСЬ, ПРОБЛЕМЫ НЕ РЕШЕНЫ

Петр Яковлев,
профессор, руководитель Центра иберийских исследований Института Латинской Америки РАН

Ключевые слова: Испания; Каталония; сепаратизм; парламентские выборы; расстановка политических сил; экономические проблемы.

Испания переживает самый острый политико институциональный кризис за всю более чем 40-летнюю историю развития в условиях демократии (после смерти диктатора Ф. Франко в ноябре 1975 г.). Попытка националистически настроенных элит одного из испанских регионов – Каталонии – добиться независимости и создать самостоятельное государство с республиканской формой правления ставит под вопрос саму идею существования Королевства Испании в его современном виде, а в международном плане – бросает вызов Европейскому союзу.

21 декабря 2017 г. в Каталонии, одном из крупнейших и самых экономически развитых и процветающих автономных сообществ Испании, прошли внеочередные региональные парламентские выборы, в которых приняло участие рекордное за все годы демократического развития число избирателей – порядка 82% граждан, имеющих право голоса. Избирательная кампания, состоявшаяся менее чем через три месяца после неконституционного

референдума по вопросу достижения Каталонией независимости от Мадрида (1 октября того же года), развивалась в обстановке фронтального идейно-политического столкновения сторонников и противников выхода региона из состава испанского государства.

И весь ход предвыборной борьбы, и итоги выборов подтвердили, что каталонское общество состоит из двух примерно равных по численности и антагонистически настроенных по отношению друг к другу частей, занимающих крайние политические позиции. Разделительная линия между ними – отношение к вопросу о государственной самостоятельности региона. С одной стороны, порядка 37% населения (в своей основной массе – коренные жители автономии), выступающие за отделение от Испании, с другой – практически такое же количество переселенцев из других районов страны в нескольких поколениях, решительных противников сепаратизма. Между этими крайностями находятся остальные граждане, большинство из которых, как показали выборы, отнюдь не стремятся выйти из состава испанского государства[1].

Декабрьские выборы стали кульминацией стремительно развивавшегося в последние месяцы «сепаратистского эксперимента» – проекта создания независимой Каталонской республики. Курс на достижение политической самостоятельности региона был взят правительством Каталонии под руководством его председателя (президента) Карлеса Пучдемона в начале сентября 2017 г., когда были приняты законы об отделении от Испании. Они стали триггером последующих полных драматизма событий, глубоко потрясших испанское общество и приковавших к себе внимание во всем мире: непризнанный центральной властью референдум 1 октября 2017 г.; принятие каталонским парламентом не вполне вразумительного решения об отделении региона; введение Мадридом (на основе 155-й статьи испанской Конституции) прямого правления из центра; арест целого ряда сепаратистских лидеров, обвиненных в серьезных государственных преступлениях; бегство К. Пучдемона и группы его соратников в Бельгию[2]. Создавалось впечатление, что непримиримый каталонский национализм разгромлен, и в автономии возможна сравнительно быстрая политическая нормализация. В этих условиях председатель испанского правительства Мариано Рахой назначил внеочередные региональные парламентские выборы, явно рассчитывая на убедительный электоральный успех противников сепаратизма, однако все вышло не так однозначно.

По числу собранных голосов победу, действительно, одержали унионисты – сторонники единой Испании, получившие поддержку 50,8% избирателей. Их лагерь был представлен центристской партией Ciudadanos («Граждане»), Социалистической партией Каталонии (Partido de los Socialistas de Cataluña – PSC) и местным подразделением правящей в стране консервативной Народной партии (Partido Popular – PP). К этому политическому крылу, хотя и с оговорками, следует отнести и леворадикальное объединение «Каталония сообща» (Catalunya en Comú – CeC-Podem), в котором первую скрипку играют местные представители общенациональной партии радикального толка Podemos («Мы можем»).

Крупного успеха добилась Ciudadanos, ставшая за все годы развития в условиях демократии единственной ненационалистической партией Каталонии, вышедшей на первое место по количеству собранных голосов, – свыше 1,1 млн (25,3%) и полученных мест в региональном парламенте (Женералитате) – 37. По сравнению с предыдущими выборами в 2015 г. Ciudadanos расширила партийный парламентский корпус на 12 депутатов. Несколько улучшили свои показатели социалисты, получившие 17 депутатских мандатов (было – 16). В то же время ощутимые потери понесли Podemos и ее союзники, потерявшие три места в Женералитате (с 11 до 8), и оглушительное поражение потерпела PP, которая сократила парламентское представительство с 11 до трех депутатов. Таким образом, суммарное количество ненационалистических законодателей составило 65 человек (из общего числа в 135 парламентариев)[3].

Электоральный провал «народников» многие эксперты объяснили ясно выраженным недовольством избирателей-унионистов затянувшейся политической нерешительностью и пассивностью лидера партии М. Рахоя, что было особенно очевидно на фоне растущей агрессивной активности наиболее радикальных лидеров каталонских сепаратистов. По существу, только накануне референдума 1 октября официальный Мадрид перешел к политике реального противодействия националистам, но было уже слишком поздно. В значительной мере по этой причине Ciudadanos, последовательно выступающая против всех проявлений сепаратизма, превратилась в центр притяжения основной массы противников сецессии[4].

Сторонники выхода Каталонии из состава Испании набрали 47,5% голосов (в 2015 г. – 47,8%), фактически сохранив свой электорат. С одной стороны, такой результат лишний раз продемонстрировал, что в автономии отсутствует общественное большинство, выступающее за государственную независимость. Но одновременно ставка Мадрида на существенное изменение политической ситуации в пользу унионистов оказалась битой. Более того, благодаря особенностям избирательной системы, дающей определенные преимущества жителям небольших городков и сельской местности, где традиционно концентрируется электорат сепаратистов, каталонские националисты получили большинство в Женералитате. Показательная электоральная статистика: чтобы получить одно место в региональном парламенте, кандидатам сепаратистов (в зависимости от партийной принадлежности) нужно было получить от 27,7 до 48,4 тыс. голосов, а «народникам» – свыше 61 тыс.[5] Разумеется, это априори ставило унионистов в крайне невыгодное положение.

По итогам выборов партия К. Пучдемона Junts per Catalunya («Вместе за Каталонию») провела в парламент 34 своих представителя, другое ведущее националистическое формирование, Левая республиканская партия Каталонии (Esquerra Republicana de Catalunya – ERC), чей лидер и бывший заместитель К. Пучдемона Ориол Жункерас пребывает в мадридской тюрьме, добилась 32 депутатских мандатов, а леворадикальная «Кандида-

[1] Errores que no se deben repetir // La Vanguardia. Barcelona, 23.12.2017.

[2] Яковлев П.П. «Brexit» по-испански: причины и последствия каталонского кризиса // Перспективы. Электронный журнал. 2017. № 3. С. 36–51.

[3] Eleccions al Parlament de Catalunya 2017. – https://resultats.parlament2017.cat/09AU/DAU09999CM.htm?lang=es

[4] La desconexión // El País. Madrid, 27.12.2017.

[5] Silva R., Alonso A. ¿Cuántos votos cuesta un escaño a cada partido? // El País, 22.12.2017.

тура народного единства» (Candidatura d'Unitat Popular – CUP) будет иметь в новом составе парламента четырех депутатов. В результате, собрав на выборах почти на 150 тыс. голосов меньше, чем их противники, сепаратисты получили в Женералитате 70 мест, потеряв всего два мандата по сравнению с 2015 г.[1] Другими словами, парламентское большинство осталось за сторонниками выхода из состава Испании, что нельзя трактовать иначе, как стратегическое поражение официального Мадрида и личную неудачу М. Рахоя.

Иначе говоря, результаты голосования 21 декабря 2017 г. не только подчеркнули сохранение открытого идейно-политического противостояния в Каталонии, но и зафиксировали тенденцию на его дальнейшее углубление. Как писала ведущая испанская газета «El País», после выборов каталонское общество стало напоминать «разломанную льдину, две половины которой все дальше дрейфуют одна от другой»[2].

В данной связи в рождественском обращении к нации короля Фелипе VI как нельзя актуально прозвучал призыв к «спокойствию, выдержке, стабильности и взаимному уважению», к концентрации общественного внимания «на решении не надуманных, а реальных проблем», пока они не хлынули через край и не затопили социально-экономические и политические достижения испанской нации (включая, разумеется, ее каталонскую часть), достигнутые за четыре с небольшим десятилетия демократического развития[3].

Углубляющийся раскол в каталонском обществе, подчеркивалось в редакционной статье барселонской газеты «La Vanguardia», требует от ответственных государственных и партийных деятелей новой политической культуры, основанной на диалоге и трансверсальности, – комплексном и координированном подходе[4]. Трезво мыслящие политики и в Каталонии, и в целом в Испании отдают себе в этом отчет, но состоявшиеся парламентские выборы отнюдь не создали благоприятных условий для решения имеющихся проблем. Более того, новая ситуация породила дополнительные вопросы, ждущие своих ответов.

В частности, неясно, как будет функционировать вновь избранный Женералитат и каким станет состав регионального правительства. По закону, парламент должен начать работу до 23 января 2018 г., а не позднее 7 апреля того же года должен быть приведен к присяге новый президент Каталонии[5]. Но дело в том, что восемь избранных депутатов-сепаратистов находятся либо под стражей, либо «в бегах» за границей и в таком положении не могут участвовать в работе законодательной ветви власти. Кроме того, в отношении еще ряда политиков-националистов проводится судебное расследование, исход которого неясен. В любом случае, значительная часть депутатов-сепаратистов находится как бы в подвешенном состоянии. Если нынешняя ситуация качественно не изменится, то могут быть назначены новые выборы.

Помимо организационно-политических трудностей, ключевая проблема сторонников независимости и политического суверенитета Каталонии в том, что подавляющее их большинство даже не представляет, с какими вызовами и трудностями им придется столкнуться в случае выхода региона из состава испанского государства. Не последнее место в списке возможных рисков занимает позиция деловых кругов, причем как местных каталонских предпринимателей, так и промышленников, и банкиров из других испанских автономий и зарубежных стран. Сама борьба за политическую самостоятельность, породившая острейший институциональный кризис, оказала воздействие на представителей бизнес-сообщества, заставила их задуматься о последствиях курса на независимость и в конечном счете спровоцировала «бегство капиталов» из Каталонии. Достаточно указать, что за период с референдума 1 октября и до выборов 21 декабря 2017 г. свыше 3100 компаний и банков, включая ведущие, перевели свои штаб-квартиры в другие регионы Испании[6].

Анализируя тенденции, развивающиеся в каталонском автономном сообществе, профессор экономики авторитетной в Европе «IE Business School» Рафаэль Пампильон подчеркнул: «Компании бегут из Каталонии, потому что верят, что центральное испанское правительство лучше защитит их интересы. Чтобы предприятия вернулись в автономию, каталонские политические институты должны не допустить ее отделения. Независимость приведет к всеобщему снижению уровня жизни, который будет сложно восстановить»[7]. Не исключено, что именно позиция деловых кругов станет тем холодным душем, который остудит «горячие головы» каталонских сепаратистов.

Длительное политическое противостояние сторонников и противников выхода Каталонии из состава испанского государства достигло своей критической точки и требует не только всестороннего и непредвзятого осмысления, но и конкретных шагов по действительному урегулированию конфликта. Это тем более актуально, поскольку драматические события на Пиренейском полуострове – не изолированный эпизод локального значения, а еще одно звено в длинной цепи международных потрясений тектонических масштабов, которые в сумме формируют новую европейскую и, если угодно, глобальную повестку.

---

[1] Eleccions al Parlament de Catalunya 2017. – https://resultats.parlament2017.cat/09AU/DAU09999CM.htm?lang=es

[2] Llaneras K. Cataluña ensancha su fractura // El País. Madrid, 22.12.2017.

[3] Mensaje de Navidad de Su Majestad el Rey. 24.12.2017. – http://www.casareal.es/ES/Actividades/Paginas/actividades_actividades_detalle.aspx?data=13413

[4] Errores que no se deben repetir // La Vanguardia. Barcelona, 23.12.2017.

[5] Así es el calendario para investir al próximo presidente de la Generalitat // Cinco Días. Madrid, 21.12.2017.

[6] Delgado C. Los empresarios piden estabilidad para evitar más daño // El País, 22.12.2017.

[7] Pampillon R. ¿Por qué las empresas huyen de Cataluña? 10 de Octubre de 2017. – https://www.americaeconomia.com/analisis-opinion/

ГЕРМАНИЯ В ПОИСКЕ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Татьяна Арзаманова,
сотрудник Отдела проблем европейской безопасности ИНИОН РАН

Ключевые слова: правительственный кризис, европейская безопасность, вызовы, институциональный кризис ЕС, трансатлантическое партнерство, политическая идентичность, германские интересы.

Прошедшие 24 октября 2017 г. федеральные парламентские выборы в Германии выявили ряд феноменов, которые оказывают огромное значение на вектор развития страны и более того, потенциально могут повлиять на будущее всего Европейского союза в целом. Официальные результаты выборов таковы: блок ХДС/ХСС получил 33% голосов избирателей, СДПГ – 20,5, СвДП – 10,7, левая партия – 9,2, Союз-90/Зеленые – 8,9, «Альтернатива для Германии» (АдГ) – 12,6%. Таким образом, блок ХДС/ХСС потерял на выборах около 8% голосов, которые ушли к «АдГ», получившей в итоге 94 места в Бундестаге (третья по численности фракция). Это – первое попадание в парламент правой партии за всю историю послевоенной Германии! Казалось бы, очевидный успех предвыборной стратегии правых, построенной на постоянных провокационных медийных «вбросах», однако в действительности дело не только и не столько в ней. Безусловно, у «Альтернативы для Германии» есть, что называется, свой избиратель. В сентябре 2017 г. правительство ФРГ представило доклад «О германском единстве», в котором наряду с признанием экономических достижений в новых регионах (восточные земли) тем не менее большинство последних характеризуются как «структурно слабые». Авторы доклада при этом не исключают, что существующий разрыв между «старыми» и «новыми» регионами может нарастать в краткосрочной перспективе. Причина подобного сценария развития событий заключается в вызове глобализации, от которой выигрывают только регионы с высоким уровнем современного производства и сферы услуг, как правило, прежде всего, ориентированных на экспорт. Подобный рост экономического неравенства ведет к социальному расслоению, разнице в качестве образования, социальным фрустрациям, и как следствие – к росту протестных настроений в обществе, которые неизбежно влияют и на электоральный ландшафт. Это – прекрасная питательная среда для правого сектора политического поля.

Между тем очевидно, что в Германии в целом происходит смена электорального поколения, сейчас избирателями являются те, кто не имеет непосредственного представления об ужасах Второй мировой, растущая глобализация и дигитализация размывают чувство национальной ответственности. Дигитальная революция оказывает огромное влияние на умы людей. Поколение, которое разыгрывает на компьютере сражения Первой и Второй мировых войн, – волей-неволей десакрализирует воспоминания об этих исторических трагедиях, что не может не оказывать влияния на шкалу нравственных оценок. Соответствующая риторика правых партий уже не кажется многим настолько шокирующей и неприемлемой по определению. Тем более что еще до выборов и ХДС/ХСС, и СДПГ высказались категорически против возможного союза с «Альтернативой для Германии», что сделало волеизъявление избирателей формально еще более свободным. Неудачная миграционная стратегия правящей Большой коалиции лишила ее надежд на повторение успеха предыдущего легислатурного периода. Коньком предвыборной кампании АдГ стала тема беженцев, которую, собственно, партия и реанимировала во внутриполитической дискуссии. Во многом избиратели, поддержавшие АдГ на выборах, голосовали не за правых, а против миграционной политики канцлера. Образно говоря, исторический багаж немцев впервые в истории ФРГ уступил место социальной стратификации. Примечательно, что большинство избирателей АдГ при этом не считают, что эта партия способна проводить более эффективную миграционную политику, речь идет в чистом виде о протестном голосовании, поскольку «Альтернатива для Германии» – это, безусловно, прежде всего, партия протеста, пока еще не готовая взять на себя ответственность по управлению страной. Но тем не менее, длительное время существовавший лево-консервативный баланс ей нарушить удалось, и такой расклад, скорее всего, сохранится в среднесрочной перспективе.

Нынешний политический кризис в Германии на самом деле есть не что иное, как кризис элит и нежелание последних нести на себе бремя ответственности за непопулярную миграционную политику канцлера. Изначально СДПГ заявила о своем уходе в оппозицию, поскольку исход выборов показал, что партия стремительно теряет голоса избирателей. Точно такая же картина повторялась в каждом легислатурном периоде, когда социал-демократы участвовали в правящей коалиции с консервативным блоком. Неудачи кабинета всегда тенью ложатся и на СДПГ, а все плюсы записываются на счет канцлера и ее партии. К тому же роль оппозиции в рамках парламентской культуры ФРГ весьма значительна и дает достаточно большие возможности для влияния на политические процессы.

16 ноября 2017 г. прошли 15-часовые переговоры между представителями ХДС/ХСС, СвДП и Союзом-90/Зеленые о возможном создании правящей коалиции, однако стороны так и не смогли прийти к соглашению относительно стратегического плана развития страны на ближайшие годы. 19 ноября 2017 г. глава СвДП К. Линднер неожиданно выступил с заявлением о непреодолимых разногласиях его партии с блоком ХДС/ХСС и о выходе первой из переговоров о коалиционном соглашении. По словам К. Линднера, несмотря на прошедшие консультации, остался список «неисчислимых противоречий, открытых вопросов и конфликтных целей». Камнем преткновения в первую очередь стал вопрос о возможности воссоединения семей беженцев (СвДП и Зеленые считают это необходимым, консерваторы категорически против подобного шага). Таким образом, провал переговоров на самом деле был

детерминирован еще решением А. Меркель открыть границы Германии для беженцев из районов конфликтов в 2015 г. Экспертное сообщество разошлось в своих оценках провала коалиционных переговоров. Одни обвиняли К. Линднера в безответственности и политической близорукости, другие посчитали, что ответственность лежит на всех участниках переговорного процесса, не сумевших достичь нужного компромисса. 20 ноября 2017 г. федеральный президент Ф.-В. Штайнмайер сделал весьма резкое заявление для прессы: «Тот, кто во время выборов стремится к политической ответственности, не должен увиливать, когда она оказывается у него в руках»[1].

Возможность проведения повторных выборов А. Меркель категорически отвергла: «..Не могу себе представить, что мы попросим людей снова проголосовать, если мы не сможем ничего сделать, опираясь на достигнутый результат»[2]. Внутриполитический расклад таков, что ни один из ключевых игроков германского политического поля не видит необходимости в проведении новых парламентских выборов, особенно с учетом того, что по данным социологических опросов, картина распределения электоральных симпатий практически не изменится. Было бы возможным создание коалиционного правительства меньшинства ХДС/ХСС с Союзом-90/Зеленые, но ему все равно пришлось бы по всем ключевым вопросам каждый раз явочным порядком договариваться с СДПГ.

В декабре 2017 г. Федеральный банк ФРГ объявил прогноз роста ВВП Германии на 2018 г., согласно которому он ожидается в пределах 2,3–2,5%. Помимо исключительно благоприятной экономической конъюнктуры, высокой инвестиционной активности, значительного снижения уровня безработицы и роста экспорта, государственный бюджет демонстрирует устойчивый профицит. Такие благоприятные финансовые прогнозы лучше всего демонстрируют уверенность финансовых аналитиков в устойчивости политического курса нового-старого канцлера. Тем не менее, хотя в таких условиях правительство меньшинства могло бы функционировать весьма эффективно, перед Германией стоят слишком глобальные внешние вызовы, и канцлер нуждается в безусловной поддержке своего кабинета. В ситуации, когда Германия должна взять на себя функции европейского лидера и попытаться преодолеть одновременно институциональный и экзистенциональный кризис ЕС с одной стороны, и нарастающую турбулентность в отношениях с трансатлантическим партнером – с другой, оставлять решение столь сложных и крайне чувствительных для электората вопросов в руках правительства меньшинства было бы довольно рискованным. Поэтому все громче звучат голоса, призывающие СДПГ проявить политическую ответственность. 11 декабря 2017 г. после окончания заседания федерального правления ХДС А. Меркель заявила, что в сложившихся условиях видит в воссоздании Большой коалиции «историческую необходимость». Опросы общественного мнения демонстрируют, что чуть более половины опрошенных граждан Германии выступают за возобновление так называемой Большой коалиции. Зондирующие переговоры между блоком ХДС/ХСС и СДПГ по коалиционному соглашению планируется начать в январе 2018 г.

[1] Neuwahlen? Nicht so schnell! // t-online.de, 20.11.2017.

[2] Merkel will von Neowahlen nichts wissen // t-online.de, 26.11.2017.

До сего момента для германского политического поля было характерно инерционное движение, сейчас же очевидно, что нужен новый лейтмотив, объединяющий лозунг для всего политического спектра, кроме его ультраправого края. У германского политического истеблишмента существует явная проблема – на электоральном поле есть запрос на яркого, харизматичного лидера со своим выраженным стилем, который стал бы полной альтернативой сдержанному стилю канцлера «без собственного профиля», но такой фигуры на данный момент нет. Основной политический капитал А. Меркель – невероятное умение идти на компромисс вне зависимости от идеологических установок своего визави, в целом она скорее позиционирует себя не как лицо конкретной партии, а как гаранта политической стабильности. Практически не предлагая ничего нового (разве что кроме такого яркого предвыборного хода, как легализация однополых браков), А. Меркель остается воплощением духа старой доброй Германии в турбулентные времена, и выигрывает на этом поле у своих конкурентов.

Правительственный кризис, возникший сейчас в ФРГ, является очень важным психологическим моментом, своего рода маркером окончания послевоенной эпохи в Германии, – впервые канцлер, чья партия формально победила на выборах, не смог автоматически сформировать правительство парламентского большинства, руководствуясь как обычно лейтмотивом сохранения внутриполитической стабильности. Стабильность на самом деле – ключевой и знаковый элемент германского экспорта, и наряду с капиталом доверия к стране – главный инструмент германского влияния. Великие канцлеры К. Аденауэр и Г. Коль «экспортировали» самоограничение и стабильность. Г. Шредер – стабильность и внешнеполитическую «эмансипацию» (в начале правления возглавляемой им так называемой «красно-зеленой» коалиции в политический дискурс возвращаются понятие нации и национальных интересов). А. Меркель и Ф.-В. Штайнмайер – это уже Германия, претендующая на роль мировой державы, это стабильность, умноженная на ответственность за судьбы континента, глобальная стабильность на экспорт.

На самом деле этот сбой автоматизированного внутригерманского политического процесса – не более чем возвращение столь желанной со времен правления «красно-зеленой коалиции» политической «нормальности» Германии, такие проблемы с формированием кабинета – абсолютная норма для европейских соседей последней. Соглашение элит, лежавшее в основе предыдущих легислатурных периодов, больше не работает. Перед Германией стоит сложный вызов: немцам необходимо нащупать новую политическую идентичность и стратегическую модель для дальнейшего развития внешней политики и политики безопасности в условиях, когда под напором вызовов глобализации, дигитализации и миграционного кризиса (по данным доклада о международной миграции от 19 декабря 2017 г., в ФРГ на данный момент проживает около 12 млн мигрантов) происходит размывание традиционной «германской идентичности». Продажа стабильности перестала приносить Германии политические дивиденды, необходимо идейное наполнение: образно говоря, немцам необходимо «зажечь» Европу, чтобы вести ее за собой. Политический учитель А. Меркель, канцлер-объединитель Г. Коль, вошел в историю как «отец Единой Европы», у Меркель еще есть возможность стать архитектором европейского возрождения.

Германская внешняя политика десятилетия была ориентирована на концепцию многостороннего участия. Само понятие «нация» в германском внутриполитическом дискурсе было полностью табуировано, понятие «силы» демонизировано и заменено на «ответственность». Идея европейской интеграции обеспечивала немцам возможность большей внешнеполитической самостоятельности, внешнеполитической максимой постколевской Германии служила идея «эмансипации» внешней и оборонной политики посредством безусловной интеграции в евроатлантические структуры. Что приходит на смену этому ценностному дуумвирату сейчас? Когда мы говорим о сегодняшней Германии, мы говорим о стране в новом геополитическом окружении, в условиях продолжающейся глобализации и дигитализации, в ситуации глубокого институционального и экзистенциального кризиса ЕС, в условиях слома существовавшей системы международных отношений, стоящей перед лицом целого спектра вызовов безопасности. Что есть нация для немцев сегодня? Еще в 1999 г. Эгон Бар, автор идеи новой Восточной политики В. Брандта, заметил по этому поводу: «После одержимости властью и забвения оной немцы нуждаются в сознании власти у нации, которая гордо и без заносчивости представляет свои интересы, сознает их пределы и до конца использует свои возможности»[1].

Берлинская республика оказалась перед лицом плюрализации внутри- и внешнеполитических вызовов, среди которых наиболее значимыми представляются следующие.

1. Кризис политических элит (в основе которого нежелание разделять ответственность за непопулярную миграционную политику канцлера) на фоне кризиса политической эпохи компромисса А. Меркель. Необходимость трансфера власти к другому поколению политиков (тенденция омоложения политических элит в ЕС).

2. Смена электорального поколения, что неизбежно влияет на ментальные изменения в электоральном поле в частности и в обществе в целом, и ведет к усилению правой части политического спектра, а значит, требует выработки новой внешнеполитической парадигмы, отвечающей на вопросы «Что есть сегодняшняя Германия»? и «Куда она идет»? Необходимость артикулирования немецких национальных интересов осложняется тем, что на сегодняшний день каждый четвертый житель Германии – иммигрант. К этому добавляется проблема исламского фактора в целом и отношений с Турцией в частности.

3. Бундесвер на сегодняшний момент находится в состоянии лишь относительной боеготовности, недостаточного финансирования и технической оснащенности, с ограниченными возможностями к отражению кибератак. Германская армия должна стать более мобильной, профессиональной и технически лучше оснащенной.

4. Глубокий институциональный и экзистенциональный кризис ЕС. Жизнь показала, что интеграционная модель, созданная для ограниченной группы государств, оказалась нежизнеспособной для нынешнего состава Евросоюза. Исторический парадокс состоит в том, что Европейский союз, созданный, чтобы «держать в узде Германию», еврозона, которая должна была крепко привязать уже объединенный германский рынок к ЕС, сделали Германию одним из ведущих акторов мировой политики, и нуждаются в ней для сохранения самого своего существования (а не только дальнейшего развития).

И здесь на первый план выходит, пожалуй, главный вызов, стоящий перед современной Германией, – искушение перетянуть одеяло на себя, вырваться вперед и ментально освободиться от первой составляющей столь удачно найденной формулы Европейской Германии. Пошатнувшийся трансатлантический мост не должен спровоцировать стремление стать «лидером свободного мира» по эту сторону Атлантики. Тем не менее, если Германия – единственная сила, способная сейчас вывести ЕС из кризиса, ей необходимо вернуть в свой властный инструментарий и военное измерение, на первых порах в совместных инициативах с европейскими партнерами. Германо-французский тандем будет оставаться главной движущей силой европейской политики, Франция все еще нужна «эмансипированной» Германии в роли политической дуэньи, прежде всего в вопросах оборонной политики. Дабы избежать неловких исторических параллелей, немцам удобнее всего играть своего рода роль дуайена, используя свой авторитет и мягкие инструменты давления для выработки единой европейской позиции и глобального реагирования по всему спектру современных угроз. Канцлер уже выступила в поддержку инициативы французского президента Э. Макрона об обновлении Елисейского договора о примирении и дружбе между ФРГ и Францией от 1963 г. В свое время исторический договор был подписан двумя великими политиками XX в. Ш. де Голлем и К. Аденауэром, и подписание новой версии XXI в. позволило бы А. Меркель также оставить свое имя в истории. Между тем, очевидно, что за право «первого среди равных» в рамках ЕС предстоит еще нешуточная дипломатическая дуэль между Берлином и Парижем.

5. Турбулентность трансатлантического пространства, порожденная изоляционистским креном администрации Д. Трампа, спровоцировала больший прагматизм европейской внешней политики в целом и германской в частности. Система общих ценностей уже не видится столь непреложной, постоянное партнерство может быть в отдельных случаях заменено на ad hoc coalition. В своем выступлении на Внешнеполитическом форуме в Берлине 5 декабря 2017 г. глава МИД ФРГ З. Габриель подчеркнул, что Германии необходимо руководствоваться в первую очередь «собственными интересами». Пассаж, совершенно немыслимый в устах главы внешнеполитического ведомства, скажем, в правительстве Г. Шредера. В то время сама мысль о необходимости агрегирования и артикулирования национальных интересов в рамках внутриполитического дискурса казалась провокационной и скандальной. Министр подчеркнул, что во многих случаях ФРГ уже не может ждать отмашки из Вашингтона и действовать сообразно с этими установками, да и роль США в мире уже не та, и в этой ситуации Германия не имеет права оставаться в стороне: «Либо мы сами будем созидать мир, либо его будут определять другие»[2]. Немецкая пресса открыто пишет о том, что ситуация в Сирии стала символом «слабости США как мировой державы», и такое положение дел беспокоит германское общество не меньше, чем изоляционистская риторика администрации Д. Трампа. В ФРГ видят глобальный вызов будущего в возможности перехода ми-

[1] Бар Э. Нормализация германской внешней политики // Internationale Politik. – 1999. С. 3–17.

[2] Rede des Bundesministers des Auswaertigen, Sigmar Gabriel, beim Berliner Forum Aussenpolitik 2017 der Koerber Stiftung am 5. December 2017 in Berlin // www.bunderregierung.de

рового лидерства от США к Китаю, и перед лицом такого сценария Германия готова взять на себя часть глобальной ответственности.

6. Один из вызовов, стоящий сегодня перед Германией, видится автору явно недооцененным, хотя при этом является одним из самых опасных. Это – ***нарастающая в Европе массовая истерия по поводу агрессивной политики российских властей***, боязнь увидеть руку Кремля во всех значимых внутриполитических процессах. Потенциально это очень рискованно для ментального здоровья любой власти, такое положение дел легко порождает феномен демонизации внешнего воздействия на внутреннюю политику и социальные процессы, снимая ответственность с самой власти и перекладывая ее на внешних акторов. А это в свою очередь разрушает одну из центральных формул взаимодействия с гражданским обществом, которое в демократических странах агрегирует и артикулирует интересы, посылает запрос власти, и последняя уже реагирует на него должным образом. Подобный негативный медийный фон и настрой политического истеблишмента – настоящая бомба замедленного действия под Берлинской республикой. И с этой точки зрения, безусловно, прав президент Ф.-В. Штайнмайер, призывающий стороны не к самоизоляции и фиксации фрустраций, а к возобновлению диалога и выработке нового доверия между Россией и Германией в частности и Европой в целом. Однако несмотря на определенные сигналы, свидетельствующие о возможности углубления диалога между нашими странами и выстраивания прагматичных и менее эмоционально окрашенных отношений, очевидно, что в краткосрочной перспективе перезагрузки отношений между РФ и Германией не будет. Слишком велик в условиях утраченного доверия ценностный разрыв между РФ и ФРГ, первая из которых апеллирует к «историческому величию», а вторая – к «чувству исторической вины».

Присоединение Крыма к России сломало устоявшийся в Европе «modus operandi», коренным образом изменилась ментальная составляющая системы международных отношений. Мир перешел от ожиданий в рамках определенных принятых правил игры к новой реальности с открытым листом возможностей, изменился сам алгоритм функционирования системы европейской безопасности. Глава Федеральной разведывательной службы ФРГ в одном из своих недавних интервью отметил, что «после возвращения России в качестве ключевого игрока на международную политическую арену, Европа имеет вместо партнера в сфере безопасности скорее потенциальную угрозу»[1]. В этих словах как нельзя более отчетливо проявилась фундаментальная проблема коллективного Запада – непонимание и категорическое непринятие того факта, что у России могут быть вполне легитимные интересы в некоторых регионах. В конце октября 2017 г. состоялся первый за последние семь лет визит главы германского государства в Москву, в ходе которого он высказал свою убежденность в том, что в основе нового противостояния России и Запада лежит прежде всего глубокий ценностный разрыв. Многие в Германии усмотрели в словах Штайнмайера о необходимости преодоления отчуждения между двумя сторонами проявление слабости. И это отчетливо демонстрирует сохраняющийся в Европе дух времен холодной войны, когда доминировали стереотипы и клише.

Определенная ирония просматривается в том, что Германия, чьей сильной стороной всегда были политическая стабильность и столь любимое немецкими политиками слово «континуитет», должна теперь стать генератором политической трансформации Европы, вступившей в эпоху гибридных военных угроз, кибератак и глобального террора. По Европе прокатилась волна правого популизма как следствие омоложения и прагматизации поколения избирателей, к власти приходит новое поколение политиков, с новой политической культурой и стилем управления, на политическом Олимпе появились прагматики, а не носители определенных ценностей. У А. Меркель есть сейчас шанс на волне смены политических элит в качестве политического тяжеловеса стать архитектором нового Евросоюза.

Более полувека германское государство имитировало чрезвычайную осторожность во внешней политике и еще в большей степени – в сфере обороны и политики безопасности. Нынешнее поколение немцев считает, что по счетам нельзя платить вечно. Теперь немцы готовы на уровне гражданского общества (что наиболее важно) стать на практике в полной мере нормальным государством. Экономический гигант с функцией политического посредника трансформируется в политического лидера Европы, готового вести ее за собой, в одного из ведущих акторов мировой политики. «Мир ждет, что мы начнем действовать», заявила германский канцлер А. Меркель 11 декабря 2017 г. в Берлине, и подчеркнула необходимость сосредоточиться на работе (совместно с французскими партнерами) над будущим Европы.

Германская система ценностей при этом остается неизменной, меняется политический ландшафт и частично нивелируется национальный комплекс вины. Немцы нуждаются в создании новой политической идентичности и новой национальной ментальности, которые позволили бы строить свою внешнюю политику и политику безопасности, не опираясь на чувство исторической коллективной вины, а исходя из политической целесообразности и вызовов безопасности, которые стоят перед современной Германией. Нынешнее поколение граждан Германии уже не считает, что коллективная память и коллективная вина немцев, это – равнозначные переменные. Очевидной стала дихотомия, существующая в немецком обществе: с одной стороны, покаяние за трагедию Второй мировой, с другой – ощущение того, что вина слишком долго навязывалась нации извне, ведь проиграли нацизм и режим, а не само общество. В свое время немцы восприняли итоги Второй мировой войны как необходимость покаяния германской нации, ответственность несла вся страна в целом. Это потребовало переосмысления, преодоления внутренних вызовов и поиска новых ответов на старые вопросы, и в итоге дало шанс на дальнейшее поступательное развитие. Допустив осенью 2017 г. правую партию в бундестаг, немецкое общество таким образом впервые открыто заявило о ***возможности не только искупления исторической вины, но и отрицания ее как стигмы нынешнего поколения***. Речь не идет об историческом ревизионизме, нет! Просто нынешнее поколение немцев приходит к осознанию того, что Германия уже заплатила достаточную цену и может обладать теми же правами, что и остальные участники мирового процесса.

[1] BND-Kahl sieht Russland als «potenzielle Gefahr» // www.suedduetche.de, 14. November, 2017.

ФЕНОМЕН ТРАМПА КАК ОТРАЖЕНИЕ КРИЗИСНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ВНУТРИ США

Дмитрий Кочегуров,
младший научный сотрудник
Отдела проблем европейской безопасности ИНИОН РАН

Ключевые слова: американский политический истеблишмент; партии США; кризис американских элит; американский электорат.

Выборы 2016 г. в США стали свидетельством недоверия населения к правящему классу и той модели мироустройства, которую предлагали элиты. Приход Трампа – это своего рода отражение глубинного конфликта в тамошнем обществе, ставящего под вопрос сохранение самой американской мечты[1]. Неолиберальный мир, безусловно, имел в себе много преимуществ, но одновременно с этим создал некоторые ограничения для национальных экономик. Соглашения о свободной торговле лишь ускорили отток рабочих мест из развитых стран в развивающиеся, увеличили разрыв между богатыми и бедными, победителями и проигравшими. Б. Обама обещал исправить эту ситуацию, однако в глазах многих в США потерпел неудачу. Со временем избиратели обнаружили, что ни одна из партий не способна разрешить их проблемы, и когда Дональд Трамп объявил о своем участии в президентской гонке, позиционируя себя как внесистемный кандидат, который встряхнул бы систему, многие американцы, чувствующие себя забытыми, восторженно приветствовали его[2]. Высказывается точка зрения, что Д. Трамп – это не только феномен США в контексте растущего во всем мире национализма, а прямое доказательство кризиса государственного управления, а также доверия к либеральной демократии[3]. По мнению директора Московского Центра Карнеги Д. Тренина, Д. Трамп – часть мирового тренда подъема и утверждения национальных интересов. В ставшем глобальным мире начался цикл нового подъема национальных государств. Волна докатилась до США[4].

Раскол между истеблишментом и народом

Об изменении уровня взаимопонимания и доверия народа по отношению к власти говорит некоторое «поправение», развитие консервативных тенденций в США. И это не просто колебание политического маятника, будни демократии как можно было сказать про Европу в начале века, а нечто более серьезное. Сам по себе факт того, что избиратель в Америке становится ближе к правым силам, ничего опасного не сулит, а является символом восстановления баланса, оздоровления общества, возвращения к своим корням, так как согласно социо-культурной карте мира Инглхарта-Вельцеля общество в США исторически чуть более тяготело к традиционным, а не секулярно-рациональным ценностям[5]. Противоречие легко найти в том, что все последнее время государством управляли силы, разделяющие принципиально иные ценности и поведенческие установки, на которых в 1990-е годы воздвигли новый неолиберальный мир. В стране, где традиционные ценности как минимум не уступали «инновационным», определенный отход от религии и морально-нравственных норм у значительной части общества вызвал отторжение.

Вышеописанный процесс некоторые эксперты уже охарактеризовали как постматериалистический сдвиг ценностей. Администрация Б. Обамы заняла жесткую позицию относительно проведения политики мультикультурализма и развития проектов нацменьшинств. Результатом стало то, что белые англосаксонские протестанты стали группой, которой была уделена наименьшая доля внимания со стороны американского истеблишмента. По мнению влиятельного американского политолога Д. Саймса, если посмотреть на демонстрации демократов, то может сложиться впечатление, что Америка заселена национальными меньшинствами. Однако 68% населения США – белые, у которых, особенно у тех, кто не преуспевает и не вписался в глобализацию, начало складываться впечатление, что о них не только забыли, а слегка презирают, потому что они не вписываются в новую Америку. Истеблишмент оказался как бы оторван от этого сегмента общества и работает на нацменьшинства. У традиционной Америки стало нарастать негодование, чем сумел воспользоваться Д. Трамп, разглядевший потенциал избирательной кампании в духе индустрии развлечений и реализовавший его с призывом «снова сделать Америку великой».

Кроме того, оппонентами Трампа остался незамеченным его талант к выявлению особой важности двух основных элементов культурно-исторической базы Америки – это касается создания государства США, а также зарождения и образования американской нации[6]. Приняв роль искупителя и спасителя нации, которой двигал испуг «потерять Америку», Трамп выступил с нарративом о пленении нации (captivity narrative), утверждая, что американские

[1] Трамп разрушил хрупкий баланс // Московский Центр Карнеги. 13 февраля 2017. URL: http://carnegie.ru/2017/02/13/ru-pub-67978

[2] JPAE 23 (1), 557–562. Public Administration in the Age of Trump. David Schultz.

[3] Schultz, D. (2011). The crisis of public administration theory in a post-global world. In D. Menzel and H. White (Eds.), The state of public administration: Issues, challenges, opportunities (pp. 453–463). Armonk, NY: M.E. Sharpe.

[4] Непредсказуемые Штаты // Московский Центр Карнеги. 20 января 2017. URL: http://carnegie.ru/2017/01/20/ru-pub-67747

[5] Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития М.: Новое издательство, 2011. – 464 с. – (Библиотека Фонда «Либеральная миссия»).

[6] Mark Cronlund Anderson. Trump's Appeal to Myth and the 2016 Presidential Election. Journal of Psychohistory. Summer 2017, Vol. 45 Issue 1. P. 41–45. 5 p.

невинность и добродетель подвергались нападению со стороны чернокожих, мексиканцев и мусульман. Можно поверить, что накопленная глубокая тревога и гнев в американской душе воплотились именно в республиканском кандидате. Для Д. Трампа единственный способ «снова сделать Америку великой» заключался в спасении ее из нынешнего плена, в котором она как бы оказалась за последние десятилетия, и потому его предвыборный слоган мог бы звучать как «снова сделать Америку белой». Его кампания вызвала столь масштабную поддержку, несмотря на личную неприязнь к Трампу, потому что она точечно восходила к 400-летней истории Америки. То, что происходит, – не политические разногласия, а разногласия по поводу того, какой Америка должна быть в будущем.

Согласно результатам социологических опросов, среди избирателей Демократической партии белые составляют 29%. При ответе на вопрос, какие ценности важны для США, 70% демократов ответили, что ценности мультикультурализма, а для 70% республиканцев – религиозные ценности. По поводу дискриминации 70% демократов ответили, что ей подвергаются афроамериканцы, женщины, ЛГБТ и прочие меньшинства, а для 70% республиканцев – белые. Все эти данные свидетельствуют о реальном расколе в обществе; в этих условиях очень трудно найти компромисс. Подобную динамику в западных научных кругах уже назвали «постфактологическим» миром, предлагающим неограниченные возможности для поляризации взглядов и интересов[1]. Наконец, разделение общества проявилось и в отрицании значимости своего культурно-исторического прошлого (разрушение памятников, и кому – Христофору Колумбу, открывшему Америку в 1492 г.), хотя последнее касается, прежде всего, наиболее радикального сегмента американского общества.

Межпартийная поляризация

Нельзя утверждать, что в свете растущей межпартийной поляризации в области общественно-политических ценностей партии деградировали, однако происходит изменение уровня договороспособности. Различия во взглядах республиканцев и демократов на фундаментальные ценности – федеральное правительство, расовые вопросы, иммиграцию, национальную безопасность, охрану окружающей среды и другие сферы достигли рекордного уровня в период президентства Б. Обамы. Так, согласно опросам Pew Research Center, в пользу увеличения государственной помощи нуждающимся высказываются 71% демократов и 24% республиканцев. С утверждением, что расовая дискриминация является главной причиной, по которой чернокожее население не может продвинуться по карьерной лестнице, соглашаются 64% демократов и лишь 14% республиканцев. В поддержку того, что иммигранты укрепляют страну благодаря своему трудолюбию и талантам, высказываются 84% демократов и 42% республиканцев[2].

Пожалуй, главное, что по-разному перестраивает обе партийные коалиции, – это фундаментальные демографические изменения, происходящие в США, – стареющее население, увеличивающееся расовое и этническое разнообразие, растущий рейтинг образованности населения. Демократическая партия выглядит по составу избирателей менее белой, менее религиозной и более образованной, а также более молодой. У республиканцев картина обратная: избиратели становятся все более однородными, более религиозными и менее образованными, в то время как стареет электорат быстрее[3].

На американские партии значительно повлияла и последняя президентская кампания. Демократическая элита обнаружила, что их традиционный электорат стремительно полевел и уже не склонен идти на компромиссы. Республиканцы хоть и сохранили за собой Конгресс, но консервативному истеблишменту эти выборы показали, насколько огромен разрыв между ним и определенными группами избирателей, что создало в партии внутренний конфликт. При этом никак нельзя терять поддержку своих традиционных избирателей – белых американцев среднего достатка. В отношениях между партиями все совсем плохо, так как рухнул двухпартийный консенсус по внешней политике. Проигравшая часть элиты стремится произвести «контрреволюцию» и делигитимизировать нового президента, не давая ему возможности проводить собственную политику и держа в ослабленном состоянии под постоянным прессингом[4].

Если говорить коротко, то результат происходящего в США на партийном уровне, встряхнувший обе партии снизу доверху, – это реанимация консерватизма, исторически наряду с либерализмом принадлежащего к двум главным идейно-политическим традициям и сыгравшего определяющую роль в ходе развития страны. Как правило, консерватизм «просыпается» тогда, когда происходит обострение внутриполитической ситуации и развивается «кризис доверия», а расстановка мировых сил меняется не в пользу США. Это – процесс привыкания к новой роли с отказом от гегемонии. Доминирование идет на убыль, если взять соотношение сил на мировой арене. В итоге США придут к пониманию и осознанию новой роли. В таких случаях государство и общество сдвигаются вправо.

В книге Б.И. Макаренко «Консерватизм и развитие. Основы общественного согласия» говорится о шести консервативных волнах в США, где очередная волна становилась ответом на перемены, связанные как с деятельностью демократической администрации, так и с попыткой реванша[5]. Если предыдущая пятая волна, первоначально оформленная в виде концепции «сострадательного консерватизма», стала реакцией на президентство Б. Клинтона и ответом «беспринципному» псевдолиберализму, то шестая представляет собой консервативный ответ на приход и «леворадикальную» повестку дня Б. Обамы. Организаторами публичных акций и протестных движений были, прежде всего, религиозные, белые жители консервативного Среднего Запада с англосаксонскими корнями, недо-

[1] Seth Allcorn, Howard Stein. The Post-Factual World of the 2016 American Presidential Election: The Good, the Bad, and the Deplorable // Journal of Psychohistory. Spring 2017, Vol. 44 Issue 4. P. 310–318. 9 p.

[2] The Partisan Divide on Political Values Grows Even Wider // Pew Research Center. October 5, 2017. URL: http://www.people-press.org/2017/10/05/the-partisan-divide-on-political-values-grows-even-wider/

[3] The Parties on the Eve of the 2016 Election: Two Coalitions, Moving Further Apart // Pew Research Center. September 13, 2016. URL: http://www.people-press.org/2016/09/13/the-parties-on-the-eve-of-the-2016-election-two-coalitions-moving-further-apart/

[4] Egoistic hegemonism // Valdai Discussion Club. URL: http://valdaiclub.com/a/highlights/egoistic-hegemonism/

[5] Консерватизм и развитие: Основы общественного согласия / Под ред. Б.И. Макаренко. – М.: Альпина Паблишер, 2015. – 332 с.

вольные монополизмом политических партий, для которых политика Обамы представляла серьезную угрозу привычному для «настоящей Америки» образу жизни[1].

На партийном уровне недовольными остались и сами республиканцы, которые неоднократно торпедировали многие инициативы администрации, противились поискам разумного компромисса, намеренно обостряли отношения с демократами. В результате выборов 2010 и 2014 гг. их позиции в Конгрессе укрепились. Таким образом, впервые с 1996 г. (революция Гингрича) республиканская партия обеспечила себе большинство в обеих палатах Конгресса. О консервативном повороте свидетельствовали итоги выборов губернаторов и результаты избирательных кампаний в законодательные собрания штатов.

Кризис внутри правящего класса

Можно предположить, что 2016 год стал рубежным. Выбор Трампа свидетельствует о кризисе современного государственного управления и отражает те тенденции внутри США, которые медленно и постепенно назревали в последние десятилетия. Ф. Фукуяма назвал сложившуюся ситуацию ветократией, при которой легче бойкотировать действия федерального правительства, чем использовать его потенциал для содействия общему благу[2]. Можно предположить, что власть в США в какой-то степени фрагментирована и разделена идеологически. Все чаще происходит так, что обязательства, данные одной ветвью власти, могут быть перечеркнуты другой. Американский институциональный механизм слабо функционирует, хотя всегда считалось, что политическая система США – самая стабильная, ей не угрожает воздействие извне. Обращение к радикальным аутсайдерам вроде Трампа в надежде очищения стало определенным выходом.

Что касается раскола внутри правящего класса, Ф. Фукуяма писал, что американская политическая система находится в состоянии дисфункциональности, и это общемировой тренд, так как кризисы во всем мире имеют общую причину: неспособность правительства удовлетворить растущие ожидания среднего класса[3]. Возможно, причина паралича власти кроется в захвате государственных учреждений мощными и влиятельными элитами, что было определено как репатримониализация государственного порядка (repatrimonialization)[4]. Повсюду доминируют группы интересов, которые способны покупать политиков за счет взносов в избирательные кампании (плюс лоббирование).

Важнейшим симптомом болезни, слабости политического класса можно назвать кадровый кризис, в то время как от качества элиты зависят успех или неудача при высокой цене и ставках. Политический класс на время утратил способность к воспроизводству, испытывает острейшую «недостаточность», на мысль о чем наводит победа внесистемного кандидата. Избиратели встали перед выбором из двух кандидатов с большим антирейтингом. По данным компании Gallup, деятельность Трампа на посту президента США в течение первого квартала одобрили 41% американских избирателей, и это самый низкий показатель по итогам первых трех месяцев президентства за всю историю ее социологических исследований[5]. То есть уместно высказывание, что на самом деле проиграли обе партии. И все дело в том, что Д. Трамп со своей собственной политической философией как бы подрывает доминирование большей части многоуровневой элиты США, которая представлена во всех трех ветвях власти федерального правительства, СМИ, Пентагоне, 17 спецслужбах США и т.д. Сделать это Трампу удалось с опорой на значимый сегмент американского общества.

Еще одним свидетельством кризиса становится ситуация со СМИ, которые по своему влиянию в социуме нередко называют четвертой властью (Fourth Estate). И то, что СМИ теряют свои лидирующие позиции при растущем разрыве между реальностью и их картиной мира, автоматически бьет и по политическому классу. При повторяемых тезисах о российской пропаганде и следе на выборах может сложиться впечатление, что либо российский специалист чего-то не знает, либо происходит изменение сознания части американской элиты, теряющей связь с реальным положением дел. В противовес системным СМИ набирают силу новые независимые издания, придерживающиеся антиглобалистких позиций.

Идеологические основы раскола

В апреле 2017 г. в журнале Foreign Affairs вышла статья, где говорилось, что после окончания Второй мировой войны американская внешняя политика формировалась под воздействием двух основных школ, направленных на формирование стабильной международной системы с Соединенными Штатами в центре[6]. Гамильтонианцы (Hamiltonians) полагали, что в интересах США заменить Великобританию в качестве нового «гироскопа мирового порядка» и ратовали за создание глобального либерального порядка, понимаемого прежде всего в экономических категориях. Вильсонианцы (Wilsonians) были согласны с тем, что это относится к жизненно важным интересам США, но понимали это явление с точки зрения ценностей, а не экономики, стремясь к всеобщему миру посредством поощрения прав человека, демократии и верховенства закона в коррумпированных и авторитарных режимах за ру-

---

[1] «Христианская коалиция», «Вера и свобода», «Движение чаепития» – праворадикальные общественные движения в защиту традиционных консервативных ценностей, лежавших в основе Америки.

[2] Fukuyama, F. American Political Decay or Renewal? // Foreign Affairs. July/August 2016. URL: https://www.foreignaffairs.com/ articles/united-states/2016-06-13/american-political-decay-or-renewal

[3] Fukuyama, F. The Middle-Class Revolution // The Wall Street Journal. June 28, 2013. URL: https://www.wsj.com/articles/ SB10001424127887323873904578571472700348086

From: Journal of Democracy. Volume 26, Number 1, January 2015 pp. 11–20.

[4] By John J. Dilulio Jr. The Rise and Fall of the U.S. Government // Washington Monthly. January/February 2015. URL: https:// washingtonmonthly.com/magazine/janfeb-2015/the-rise-and-fall-of-the-u-s-government/

Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy. By Francis Fukuyama. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2014.

[5] Trump's Job Approval in First Quarter Lowest by 14 Points // Gallup News. April 20, 2017. URL: http://news.gallup.com/poll/ 208778/trump-job-approval-first-quarter-lowest-points.aspx?g_source= Politics& g_medium=newsfeed&g_campaign=tiles

[6] By Walter Russell Mead. The Jacksonian Revolt. American Populism and the Liberal Order // Foreign Affairs. March/April, 2017. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2017-01-20/ jacksonian-revolt

бежом. На более поздних этапах холодной войны одна ветвь этого лагеря, либеральные институционалисты, сосредоточилась на содействии международным институтам и большей глобальной интеграции, а другая, неоконсерваторы, посчитала, что либеральную повестку легче продвигать через односторонние шаги Вашингтона.

И те и другие не были единомышленниками, интенсивные споры проходили всегда, однако в рамках общей приверженности некоему проекту глобального миропорядка Pax Americana. Тем не менее в последние десятилетия влияние глобалистов на формирование внешнеполитического курса США начало ослабевать. Возродились силы более националистические и менее глобалистские, к ним присоединилась разочаровавшаяся достижениями внешней политики общественность. Речь идет о Джефферсонианской и Джексонианской школах мысли довоенного периода. Первые, объединяя и так называемых реалистов, утверждают, что сокращение глобального присутствия США позволит снизить издержки и риски внешней политики. Интересы США должны быть определены узко и продвигаться самым безопасным и экономным способом. Сюда же относится и крыло либертарианцев, выступающее против интервенционизма, за сокращение военных расходов и перераспределение сил и ресурсов у себя на родине.

Тем не менее в противовес минимализму Джефферсона расцветает популистский национализм Джексона. Джексонианцы, формирующие базу электората Д. Трампа, определяют США не как политическую сущность, созданную и ориентированную на выполнение универсальной миссии. Скорее, это – национальное государство американского народа. Они воспринимают американскую исключительность не через универсализм собственных идей и ценностей, на базе чего следует трансформировать мир, а скорее как общее стремление к равенству и достоинству самих американских граждан. Роль федерального правительства США должна сводиться к обеспечению безопасности и экономического благополучия американского народа в своих национальных границах без вмешательства в чужие дела, что и делает страну уникальной. Джексонианский популизм лишь периодически сталкивается с внешней политикой, и для мобилизации на выборах 2016 г. потребовалось определенное сочетание сил и тенденций с сосредоточением на национальном уровне. Причем дело касалось не только самых типичных для любых выборов проблемных тем, а вопроса идентичности и культуры в американской политике. Пожалуй, именно джексонианцы прочувствовали колоссальное значение англо-протестантского наследия Америки, и то, что необходимо сохранить и укрепить американскую идентичность, базирующуюся на протяжении столетий именно на нем. Трамп, каким бы он ни был, показался единственным кандидатом, желающим помочь американскому народу. Самое главное, что джексонианцы знают о Трампе – он однозначно на их стороне, а вопрос доверия играет исключительно важную роль.

К какому выводу можно прийти, проанализировав все те кризисные тенденции, которые наблюдаются сегодня в США и которые обострились на фоне выборов Д. Трампа. Конечно, абсурдно и наивно было бы полагать, что нынешняя политика США неизбежно приведет последних к коллапсу и потере союзников, при помощи особых отношений с которыми США выстроили систему своего глобального лидерства. Абсолютно не к месту рассуждения о том, что у США множество параллелей с поздним СССР, империя подобно Древнему Риму «трещит по швам», текущий кризис – это обязательно начало конца не просто доминирования, а существования самих Соединенных Штатов как государства и т.д.

В то же время уже давно в экспертном сообществе существует общее понимание того, что американская отлаженная политическая система дает некоторые сбои. Можно дискутировать о том, как далеко зашла общая институциональная деградация в свете накопления системных ошибок, однако то, что система дает сбои, – свершившийся факт. Феномен Трампа стал свидетельством определенного раскола между истеблишментом и народом, политическими партиями, внутри правящего класса. Уместно выделить три типа раскола и фрагментации между глобалистами с их политикой неолиберализма, глобализации по-американски с созданием «Pax Americana» и изоляционистами, националистами.

Выборы 2016 г. обозначили недоверие значительной части общества не просто к какой-то определенной партии, а к правящему классу в целом, чье увлечение глобализацией вызвало бушующую реакцию и в конечном итоге сопротивление. Многие избиратели Трампа были куда менее озабочены продвижением конкретных предвыборных программ, чем прекращением всего, что казалось не иначе как движением своей страны к катастрофе. Международный порядок, в свою очередь, должен опираться не только на консенсус элит и баланс власти и политики, но и на свободный выбор общества, которое должно чувствовать себя защищенным от внешнего мира настолько, насколько хочет извлечь выгоду из участия в нем.

И все-таки США в своей истории проходили через много кризисов и переосмысливали себя, а беспокойство по вопросу падения уровня американской политической культуры высказывали в самые разные времена, об этом, например, писал историк Генри Адамс, живший во второй половине XIX – начале XX в.[1] Важно, чтобы элита признала наличие кризиса и обрела утраченную уверенность в своем электорате. По крайней мере, в первый срок Трампа вряд ли можно ожидать реформ, которые привели бы к перезагрузке системы. Многое будет зависеть от того, как пройдут выборы 2024 г. Но это уже совсем другая история.

[1] Ken Fuchsman. The Presidential Campaign That Astounded the World: A Psychohistory of Donald Trump and the 2016 American Election // Journal of Psychohistory. Spring 2017, Vol. 44 Issue 4. P. 292–309. 18 p.

Бюллетень публикуется Отделом проблем европейской безопасности Центра научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН с целью способствовать развитию конструктивного диалога по проблемам безопасности в Евро-Атлантическом регионе. Мнения авторов, высказанные на страницах бюллетеня, отражают их личную точку зрения и не обязательно совпадают с позицией ИНИОН РАН.

Редакционный совет:
Академик В.Г. Барановский
Генерал-майор в отставке В.З. Дворкин
Д-р полит. наук Д.В. Ефременко
Д-р полит. наук А.И. Никитин
Канд. истор. наук А.В. Загорский
Главный редактор – канд. истор. наук Т.Г. Пархалина
Ответственный секретарь – Т.В. Арзаманова

www адрес:
http://www.inion.ru/index.php?page_id=487

всего выпусков: 59 (на конец 2016)

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-2172